

БЕСТСЕЛЛЕР ЧАРТА USA TODAY

Навеки твой, Лео

МИЯ ШЕРИДАН

Книги Мии Шеридан входят в список
лучшей романтической прозы всех времен
по версии портала Goodreads.

Лучшая на свете первая любовь

Мия Шеридан

Навеки твой, Лео

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шеридан М.

Навеки твой, Лео / М. Шеридан — «Эксмо», 2013 — (Лучшая на свете первая любовь)

ISBN 978-5-04-108235-2

Эви познакомилась с Лео в приюте. Он всегда был рядом. Лучший друг. Лучший возлюбленный. Когда его, пятнадцатилетнего, усыновили, Лео пообещал Эви писать письма каждую неделю. Но после его отъезда не пришло ни одного письма. Довольно грустная история первой любви. Поэтому, когда повзрослевшая Эви знакомится с мужчиной мечты, темноволосым, эффектным Джейком, она все равно не может избавиться от воспоминаний о Лео. Все становится только запутаннее, когда Джейк признается, что знал Лео, но тот погиб в авиакатастрофе. Но одна из бывших Джейка уверяет Эви, что Джейк говорит неправду.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-108235-2

© Шеридан М., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	30
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мия Шеридан

Навеки твой, Лео

© 2013. LEO by Mia Sheridan The moral rights of the author have been asserted

© Бараш О., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава 1

Эви четырнадцать, Лео пятнадцать

Я сижу на крыше над окном своей спальни, смотрю в темное ночное небо и наблюдаю, как мое дыхание растворяется в холодном ноябрьском воздухе. Я плотнее закутываюсь в грязное розовое одеяло и пристраиваю голову на колени, крепко прижатые к груди. Внезапно рядом со мной на крышу шлепается камешек и скользит по некрутому скату к земле. Я поднимаю голову и улыбаюсь, услышав, как Лео начинает подниматься по ветхой решетке на боковой стене. Прибавит еще фунт, и полуразвалившаяся конструкция перестанет его выдерживать. Но это уже неважно. Его уже не будет здесь, чтобы лазать. При этой мысли мое сердце мучительно сжимается, но я встречаю его с подобающей миной, когда он одолевает уступ и подползает ко мне: сплошные локти, колени и лохматые темно-русые волосы. Усевшись рядом, он радостно улыбается, и становится видна щелочка между передними зубами, которая мне так нравится. Я наклоняюсь к нему, и несколько минут мы сидим голова к голове и смотрим друг другу в глаза. Потом он со вздохом выпрямляется.

– Боюсь, не смогу я без тебя жить, Эви, – говорит он, будто сдерживая слезы.

Я хлопаю его по плечу.

– Прямо мелодрама, тебе не кажется, Лео? – поддразниваю я, пытаюсь выжать из него улыбку. Сработало.

Но улыбка тут же исчезает, и он проводит рукой по лицу. И, помолчав минуту, продолжает:

– Нет. Так оно и есть.

Я не знаю, что сказать. Как я могу утешить его, если чувствую то же самое?

Он снова смотрит на меня, и наши глаза встречаются.

– Чего уставился? – спрашиваю я, зная, что он поймет. Это были первые слова, которые я сказала ему.

Выражение его лица не меняется, но затем на него медленно наплзает улыбка.

– Ты симпатичная, – говорит он, уже широко улыбаясь, снова показывая мне щелочку между зубами и безошибочно произнося свою реплику.

Он худой, лохматый, встрепанный; и он самый красивый мальчишка, которого я когда-либо видела. Мне никогда не надоедает смотреть на него. Я хочу все время быть рядом с ним. Но он переезжает на другой конец страны, и мы ничего не можем сделать. Мы встретились в первом приемном доме, куда оба были отправлены. Он стал моим лучшим другом на свете, я по-настоящему полюбила его, благодаря ему я поняла, что мечтать не опасно. Но его усыновили. Я очень рада, что у него наконец появилась семья, ведь с подростками такое редко бывает. И в то же время сердце у меня обливается кровью.

Он смотрит на меня так пристально, будто может прочесть мои мысли. А он и вправду может. То ли я – открытая книга, то ли любовь – увеличительное стекло, направленное прямо в души тех, кто владеет твоим сердцем.

Несколько секунд он молча смотрит на меня, и по его лицу я понимаю, что он принял решение. Прежде чем я угадываю, что он задумал, он наклоняется ко мне и мягко касается губами моих губ. В воздухе вокруг нас вспыхивают крошечные искры, и я слегка дрожу. Он придвигается ко мне и обхватывает ладонями мое лицо. Смотрит прямо мне в глаза, и его губы, все еще в нескольких дюймах от моих, шепчут:

– Я поцелую тебя сейчас, Эви, и это будет означать, что ты моя. Мне все равно, как далеко мы друг от друга. Ты. Моя. Я буду ждать тебя. И хочу, чтобы ты тоже ждала. Обещай, что никому не позволишь коснуться тебя. Обещай мне, что ты сохранишь себя для меня, и только для меня.

Весь мир исчез, и только мы сидим здесь, на крыше, посреди ноябрьской ночи. «Да», – шепчу я в ответ, и слово отдается в моем мозгу. Да, да, да, миллион раз да.

Он замолкает, все еще глядя мне в глаза, и мне хочется крикнуть: «Поцелуй меня скорее!» Мое тело ошалело от предвкушения.

А потом его губы снова касаются моих, и это настоящий поцелуй. Все начинается нежно, его мягкие губы легко пощипывают мои. Но затем что-то в нем меняется, он неожиданно проводит языком между моих сжатых губ, прося входа. Когда я открываюсь ему, по моему позвоночнику проходит дрожь, я издаю непроизвольный стон, и, услышав меня, он стонет в ответ. Его язык заигрывает с моим – ласково, будто ведет нежную дуэль, – и я чувствую, что мое тело сейчас взорвется от удовольствия. Мы возмемся так несколько минут, и даже наша неопытность восхитительна в своих поисках. Или, по крайней мере, мне так кажется, и я надеюсь, что ему тоже. Мы изучаем и запоминаем рты друг друга. И вскоре мы словно два партнера в танце, движущиеся в идеальной синхронности, живущие страстной хореографией губ и языков.

Я откидываюсь на крышу, прижимая его к себе, и мы продолжаем целоваться. Мы целуемся часами, днями, неделями, возможно, всю жизнь. Наши поцелуи – это блаженное забвение. Это слишком много и слишком мало.

Это мой первый поцелуй, и я знаю, что для Лео он тоже первый. И это совершенство.

Внезапно я чувствую что-то мокрое и холодное на своих щеках, и это возвращает меня к реальности. Я открываю глаза, и он тоже, и мы оба осознаем, что вокруг нас падают большие пушистые снежинки.

Мы оба смеемся от удивления. Как будто ангелы устроили это шоу только для нас, чтобы этот самый памятный миг нашей жизни стал еще волшебнее.

Лео скатывается с меня, и мне тут же становится холодно. Мне пора внутрь, а ему – домой. Осознание этого – как холодный душ, в горле у меня встает комок. По щекам катятся слезы.

Лео притягивает меня к себе, и мы долго цепляемся друг за друга, чтобы собраться с силами и сказать «прощай».

Он отстраняется, на его лице выражение душераздирающей муки.

– Это не прощание, Эви. Помни нашу клятву. Никогда не забывай нашей клятвы. Я вернусь за тобой. Я напишу тебе с нового адреса, как только доберусь до Сан-Диего, и мы всегда будем на связи. Я хочу носить твои письма с собой и перечитывать их снова и снова. Номер телефона я тоже пришлю, на всякий случай, но лучше напиши, хорошо? Не успеем оглянуться, тебе стукнет восемнадцать, и я смогу вернуться за тобой. И мы больше не расстанемся.

– Хорошо, – шепчу я. – Напиши, как только приедешь, ладно?

– Конечно. Это первое, что я сделаю. – В последний раз он притягивает меня к себе и поцелуями сушит слезы на моих щеках. Уже начав спускаться, он оборачивается и тихо говорит: «Никого, кроме тебя, Эви».

Это его последние слова. Больше я никогда не увижу Лео.

Глава 2

Восемь лет спустя

Кто-то следит за мной. Уже полторы недели. И наконец спалился. Я заметила его почти сразу и наблюдала, как он следит за мной. Видимо, не профессионал. Но мне не известна ни одна причина, по которой кто-то может преследовать меня по всему городу. Особенно кто-то вроде этого парня. Я слышала, что многим серийным убийцам удается заманить жертв, потому что с виду они симпатичные, славные, обыкновенные ребята. Но мне как-то не верится, что преследующий меня Адонис чем-то опасен. Может быть, я наивна, но это просто внутреннее чувство. Мое воспитание научило меня немедленно чують угрозу, а от него я ее не чувствую. К тому же он скорее из тех, кого вы станете просить – даже умолять – завести вас в темный переулок, а не дадите от него деру. Я рассматривала его и через щель в жалюзи с помощью стратегически расположенного зеркала от пудреницы, и через витрины магазина, в которых он отражался, и мне было почти неловко за его смехотворные навыки слежки. Очевидно, что он никогда не станет ценным приобретением ни для одной организации ниндзя.

Но спрашивается, чего ему надо? По всей вероятности, это какая-то ошибка. Возможно, он действительно неумелый шпиик, который зацепил не ту девицу для одного из своих клиентов.

Но сегодня он меня не преследует, и это хорошо, потому что я иду на похороны и не хочу, чтобы меня отвлекали. Сегодня хоронят Иву. Красотку Иву, названную именем дерева с длинными ветвями, качающимися и гнущимися на ветру. Только эта ива не согнулась, когда подул холодный ветер. Она сломалась. Она погибла. Она сказала, что с нее хватит, и воткнула себе в руку иглу. У меня перехватывает дыхание, когда я представляю ее красивое лицо, всегда искаженное печальной, настороженной гримасой.

Мы росли вместе в приемной семье, и ни у одной из нас жизнь не началась как сказка. Мы встретились в первом доме, куда меня определили после того, как сосед вызвал полицию из-за слишком громкой вечеринки, которую устроила моя родная мамаша. Когда появилась полиция, я сидела на диване в розовой пижаме с изображением заботливых мишек, парень, от которого несло гнилыми зубами и пивом, засунул руку мне под рубашку и был слишком пьян, чтобы вовремя ее отдернуть, а на кофейном столике валялось несколько пакетиков с наркотой. Мать сидела на диване напротив и равнодушно смотрела на это. То ли ей было до лампочки, то ли она слишком нагрузилась, чтобы соображать.

В конце концов, какая разница.

Я сидела, не шевелясь, когда полиция оттащила от меня парня. К тому времени я уже знала, что сопротивляться бессмысленно. Лучше всего было исчезнуть, и если я не могла спрятаться в шкафу или под кроватью, то могла это сделать хотя бы мысленно. Мне было десять.

Тот первый приемный дом, по моим воспоминаниям, был похож на ящик для мелочей. Ну, у каждого на кухне есть такой, в котором держат всякую дребедень, не имеющую своего места. Мы все были там разрозненными предметами, которые объединяло только одно: все были разные.

Через пару дней после меня появилась Ива, хорошенькая белокурая фея с затравленными глазами. Она мало разговаривала, но в первую же ночь забралась в мою кровать, устроилась между мной и стеной и свернулась в клубок. Во сне она хныкала и умоляла кого-то, чтобы ей перестали делать больно. Я не очень-то задумывалась о том, что с ней случилось. После этого я старалась защищать ее, как могла, хотя была всего на год старше. Никто из нас не был силой, с которой следовало считаться, – просто две брошенные девчонки, уже узнавшие, что

доверять людям – рискованное дело, но Ива была еще уязвимее, чем я, казалось, она рухнет при малейшей боли. Так что я брала на себя ее провинности и наказание за них. Я позволяла ей спать со мной каждую ночь, рассказывала ей истории, чтобы попытаться успокоить ее демонов. У меня мало талантов, но рассказчица я хорошая, и я плела для нее сказки, чтобы разобраться в ее кошмарах. По правде говоря, они были так же важны для меня, как и для нее. И я пыталась ее понять.

Многие годы я изо всех сил старалась любить эту девочку. И Господь знает, что это так. Но, как я ни желала и ни старалась, я не смогла спасти Иву. И думаю, никто не мог, потому что, как это ни грустно, Ива не хотела, чтобы ее спасали. Когда-то ей внушили, что ее никто не любит и не полюбит, и она вплетала эту ложь в свою душу, пока не стала жить и дышать ею. Это стало объяснением каждого ее поступка и каждого сердца, которое она разбила, включая мое.

Через месяц после меня и Ивы в нашем доме появился одиннадцатилетний мальчик – высокий, тощий, злой парень по имени Лео, который бурчал «да» и «нет» в ответ приемным родителям и едва смотрел кому-либо в глаза. Одна рука у него была в гипсе, а на щеке красовались уже сходящие желтоватые синяки, похожие на следы пальцев. Казалось, он был зол на весь мир, и здравый смысл подсказывал мне, что у него есть на это веская причина.

Лео, Лео... Но я знаю, что думать о нем нельзя. Не пускаю туда свой разум, потому что это слишком больно. Из всего, что я пережила, он – единственное, о чем я не могу долго вспоминать. У него есть место в прошлом, и я оставляю его там... насколько способны мои разум и сердце.

Мои размышления прерывает распорядитель, который подает сигнал, что пора произнести речь.

К сожалению, Ива никогда не дружила с людьми, которые к девяти часам воскресного утра уже успевали выбраться из бездны своего отчаяния, поэтому аудитория невелика, и по крайней мере половина народу выглядит как с похмелья, а то и не успевшими протрезветь. Я стою на трибуне и смотрю на этот сброд, и вот тут-то вижу его: он стоит, прислонившись к дереву в нескольких футах позади остального сборища. Его присутствие поражает меня. Я была уверена, что здесь-то за мной не следят. Но как он попал сюда, если не преследовал меня? Я точно знаю, что никогда не видела его с Ивой. Я бы запомнила этого парня. Секунду я смотрю на своего таинственного соглядатая, и он с непроницаемым лицом выдерживает зрительный контакт. Наши глаза встретились в первый раз, и я тряхнула головой, чтобы вернуться в свою роль и начать говорить.

– Однажды ангелы отправили очень необычную, красивую девочку в далекую страну, чтобы она жила волшебной жизнью, полной любви и счастья. Они называли ее Стекло́нной принцессой, потому что ее смех напоминал им звон стеклянных колокольчиков, которые висят на небесных вратах и звенят каждый раз, приветствуя новую душу. Но это имя подходило ей и потому, что она была очень чувствительна и любила очень глубоко, и ее сердце могло легко разбиться...

Но, готовя ее путешествие в далекую страну, один из ангелов-новичков ошибся и все перепутал, послав Стекло́нную принцессу туда, где она не должна была быть, – в темный, уродливый край, которым правили горгульи и другие злобные существа. А когда душа помещена в тело человека, это уже навсегда, этого нельзя изменить. Хотя ангелы плакали о судьбе, выпавшей Стекло́нной принцессе, они ничего не могли сделать, только присматривать и изо всех сил стараться вести ее в нужную сторону, подальше от земли горгулий и злобных тварей.

Но, увы, очень скоро после того, как Стекло́нная принцесса прибыла на эту землю, жестокие твари проделали первую большую трещину в ее очень хрупком сердце. И хотя многие другие, не такие злые существа пытались любить принцессу и заботиться о ней – ведь она была очень красивой и заслуживала любви, – сердце принцессы продолжало трескаться, пока окончательно не разбилось навсегда.

Принцесса закрыла глаза в последний раз, думая обо всех злых монстрах, которые были так жестоки с ней и заставили ее сердце разбиться. Но последнее слово никогда не останется за злыми тварями, в какой бы ярости они ни были, никогда не получат последнего слова. Ангелы, которые были всегда рядом, подхватили и отнесли Стеклянную принцессу обратно на небеса, где собрали ее разбитое сердце, чтобы ей больше никогда не было больно. Принцесса открыла глаза, улыбнулась своей милой улыбкой и рассмеялась милым смехом. Он по-прежнему звучал как звон стеклянных колокольчиков. Стеклянная принцесса наконец-то оказалась дома.

Я протолкалась на свое место; на одних лицах было написано равнодушие, на других – легкое недоумение. Наверняка не могут понять, почему я рассказала детскую сказку на похоронах наркоманки. Но это касается только меня и Ивы, я уверена, что она все слышала и сейчас улыбается.

Я смотрю на человека, прислонившегося к дереву: стоит как вкопанный, глаза все еще устремлены на меня. Я слегка хмурюсь. Насколько я знаю Иву, его присутствие не сулит ничего хорошего. Боже, неужели она задолжала кому-то деньги? И он следит за мной, чтобы выяснить, нельзя ли содрать их с меня вместо нее? Я снова хмурюсь. Конечно нет. Думаю, тридцати секунд достаточно, чтобы понять, что платежеспособность у меня... в общем, отсутствует как таковая.

– Я не очень поняла, что это значит, дорогая, но красиво. – Это Шерри, соседка Ивы по комнате. Соседка по комнате – той самой комнате, куда временами вваливалась Ива после того, как отшивала очередного хахаля. Шерри улыбается, отводит меня в сторону и торопливо обнимает.

Она немного грубовата и выглядит примерно на десять лет старше своего возраста. Ее волосы осветлены, около дюйма темных корней обильно смешаны с сединой. Декольте слишком велико для похорон, скорее годится для танца в клетке. Кожа пористая и чрезмерно загорелая, покрытая толстым слоем косметики. Образ завершают босоножки на платформе. Но несмотря на бездну безвкусицы, которую она принимает за моду, Шерри добросердечна, и она изо всех сил старалась быть Иве хорошей подругой. Шерри усвоила тот же урок, что и я, – если кто-то одержим жадной саморазрушения, мало что можно сделать, чтобы что-либо изменить.

Когда я снова смотрю в сторону дерева, таинственного человека уже нет.

Глава 3

На кладбище я ехала автобусом, но сейчас Шерри подвезла меня до дома и прокричала: «Будь на связи, дорогая!», когда я выскочила из ее машины, поблагодарила и помахала на прощание.

Я забегаю домой, быстро сбрасываю черное платье без рукавов и туфли на каблуках и натягиваю униформу, которую ношу на работе. Я работаю горничной в отеле «Хилтон» и еще подрабатываю официанткой в кейтеринговой компании, в основном по вечерам в выходные дни или по вызову.

Это не очень-то шикарно, но я делаю все необходимое, чтобы оплачивать свое жилье. Я обеспечиваю себя сама и горжусь этим. Я знала, что в день, когда мне исполнится восемнадцать, приемная семья укажет мне на дверь, и это одновременно приводило меня в восторг и пугало до смерти. Наконец я перестану быть частью системы, смогу создавать свои собственные правила и свою собственную судьбу, но никогда в жизни я не была так одинока. Ни семьи, ни страховочной сетки, на которую можно было бы приземлиться, и никто больше не гарантирует мне крышу над головой или трехразовое питание. Нужно было самой себя уговаривать, самой себя избавлять от то и дело накатывающих приступов паники.

Но вот прошло четыре года, и у меня все хорошо. Конечно, в зависимости от того, что понимать под «все хорошо». Я думаю, это относительное понятие.

Дело не в том, что мне не хочется большего. Я знаю, что склонна «избегать риска», о чем бы ни шла речь, включая амбиции. Но я полагаю, что драм и душевной боли, пережитых в детстве, мне хватит до конца жизни, а «безопасность» пусть и скучна, но именно ее жаждет тот, у кого ее никогда не было. А пока я всем довольна.

Сойдя с автобуса в центре города, я быстро иду к служебному входу большой гостиницы и вовремя отмечаюсь в табеле. Взяв уборочную тележку, я отправляюсь на верхние этажи, вначале на тот, где расположен пентхаус. Я тихо стучу, ответа нет, и я открываю дверь своим электронным ключом. Завезя в номер тележку, оглядываю помещение. Похоже, номер освобожден и только слегка замусорен, и я начинаю снимать постельное белье. Включаю свой айпод и всюю подпеваю Рианне. Улыбаюсь и трясусь задом, стеля свежую простыню на кровать размера кинг-сайз. Есть в этой работе один плюс, который мне страшно нравится. Я могу сосредоточиться на своих мыслях, а уборка при этом – просто монотонная фоновая деятельность. Я растягиваю над кроватью свежее пуховое одеяло и начинаю его опускать, когда краем глаза замечаю движение и, обернувшись, слегка подскакиваю и издаю сдавленный возглас удивления. За мной, ухмыляясь и слегка облокотясь о дверной косяк, стоит мужчина. Я снимаю наушники и смущенно моргаю.

– Извините, пожалуйста, – говорю я. – Я не думала, что здесь кто-то есть. Если вы не против, я вернусь позже. – Я нервно разглаживаю ладонью юбку. Его взгляд следует за моими руками, спускается по ногам и медленно возвращается к моим глазам. Мое сердцебиение учащается, меня пронзает беспокойство.

Я начинаю двигать тележку к дверному проему. Мужчина быстро приближается и хватается за ручку тележки, что слегка меня пугает.

– Ничего, все нормально, – спокойно говорит он. – Мы собирались выезжать. А я просто наслаждался шоу. – Он усмехается, его глаза снова лениво скользят по моему телу, от ног до груди, и я неловко ерзаю. Тут в комнату входит женщина.

Она красива, светлые волосы идеально причесаны, макияж безупречен, и я сразу чувствую неловкость. Я киваю головой в ее направлении и начинаю двигаться к двери.

– Я вернусь, – бормочу я, но они оба тоже идут к двери, и женщина говорит:

– В самом деле, мы как раз уходим. Оставайтесь и заканчивайте. – Надевая жакет и поводя плечами, она бросает на меня недовольный взгляд и добавляет: – И не забудьте вынести мусор. Предыдущая уборщица забыла. – Мужчина улыбается, на ходу похлопывает ее по заду, и она хихикает.

Дверь за ними закрывается, и с минуту я стою неподвижно, пытаюсь вернуться в то беззаботное душевное состояние, из которого они меня вывели. Но настроение изменилось бесповоротно, и теперь мне так грустно, что и думать об этом не хочется.

Я заканчиваю смену, отмечаюсь на вахте, и тут за мной бросается моя подруга Николь, по дороге смахивая со стойки свою тайм-карту.

– Чертовы неряхи на двенадцатом этаже, – говорит она. – Ей-ей, похоже, некоторые наши постояльцы в хлеву воспитывались. Я два часа убирала три комнаты на этом этаже. Пакость. Теперь я опаздываю за Кейли. Проводишь меня до автобусной остановки? Моя машина в сервисе. – Продолжая говорить, она хватается за свое пальто.

Я улыбаюсь, стискиваю ее плечо, и мы идем к двери.

– Может быть, нам составить «Инструкцию по эксплуатации жилых помещений» и раздавать при регистрации? – с сарказмом предлагаю я.

– Вот именно! Первый пункт: пожалуйста, заверните использованные презервативы в туалетную бумагу и выбросьте их в мусорное ведро. В наши обязанности не входит соскребать вашу сушеную... фигию с ковра после того, как вы бросаете эти хреновины под кровать.

Я притворяюсь, что меня тошнит, но сама смеюсь, и мы спешим к автобусной остановке.

– Вот-вот, – подхватываю я, – пункт второй: пожалуйста, не подстригайте ногти на ногах в постели. Я не хочу принимать душ из обрезков, когда вытряхиваю ваше одеяло, и не хочу ползать на четвереньках, собирая их с полу.

– О господи! И такое бывает? Вот скоты! – Но Николь тоже смеется, качая головой.

Ее автобус как раз подъезжает к остановке, я торопливо обнимаю ее на прощанье, говорю: «Увидимся в среду вечером» – и перехожу через дорогу к своей остановке – мне в другую сторону.

Николь постоянно вызывает у меня улыбку своим беззаботным характером и забавным чувством юмора.

Она замужем за отличным парнем по имени Майк, у них четырехлетняя дочь Кейли.

Майк – электрик, он хорошо зарабатывает, но Николь два дня в неделю работает горничной, чтобы внести свою долю в семейный бюджет и, как она говорит, увеличить свой обувной фонд. Она обожает туфли, чем выше каблук, тем лучше. Не представляю, как она в них ходит.

Три года назад, встретившись на работе, мы с Николь быстро подружились. Они с Майком приглашают меня на ужин по крайней мере раз в неделю. Я люблю проводить время с ними и Кейли, впитывая радость и комфорт любящей семьи, не делая ничего особенного, – просто ужинать и быть вместе. Конечно, они до конца не понимают, что для меня ужин в дружной семье не просто событие – это для меня все. Все то, чего у меня никогда не было.

Николь и Майк знают, что я выросла в приемной семье, но не более того. Они добрые, работающие ребята, живут в симпатичном доме с двумя спальнями в приличном районе, и я не хочу пятнать их мир историями о наркоманах, сутенерах и извращенцах. Не то чтобы они были в полном неведении обо всем этом, но для меня они убежище, безопасное укрытие от того мира, и я хочу, чтобы так и оставалось.

Я достаю книжку и начинаю читать, в то время как автобус пускается в путь через весь город к моему дому. Чтение так увлекает меня, что я едва не пропускаю свою остановку и выскакиваю в последний момент перед тем, как двери закрываются. Миную пять кварталов до своего дома, вхожу в парадную дверь и качаю головой: замок – ну вот, опять! – сломан.

Ну ладно, охрана не на высоте, зато здесь вполне чисто, а в задней части дома имеется солнечный балкон, где можно выращивать фруктовые деревья в ящиках и цветы в горшках.

Иногда я сижу там по вечерам с хорошей книжкой и чувствую душевный покой. Этого мне достаточно.

Я немного разочарована тем, что мой преследователь сегодня явно не на дежурстве. Понимаю, что мысль довольно глупая, но все равно улыбаюсь.

Я принимаю душ и стою под струями дольше, чем следовало бы. Горячая вода не течет бесплатно. Но сегодня я позволяю себе эту маленькую роскошь, проливая слезы по Иве, – я так и знала, что они никуда не денутся. «Покойся с миром, принцесса», – шепчу я, чувствуя, как теплые брызги омывают меня, смешиваясь со слезами. Вскоре я выхожу и вытираюсь полотенцем.

Натянув штаны для йоги и толстовку на несколько размеров больше, я тащусь на кухню, чтобы приготовить себе ужин. Разогреваю домашний овощной суп, который приготовила пару дней назад, и поджариваю хлеб. Супа остается достаточно, чтобы налить в маленький пластиковый контейнер. Я так и делаю, иду по коридору в квартиру миссис Дженнер и тихонько стучусь в дверь. Когда она открывает, улыбаюсь и говорю:

– Вы обедали? Если нет, у меня есть домашний овощной суп. – Я знаю, что после смерти мужа миссис Дженнер находится в очень стесненных обстоятельствах, поэтому я приношу ей все, что у меня остается.

Она приветливо улыбается:

– Боже, вы такая добрая. Огромное спасибо.

– На здоровье, – улыбаюсь я в ответ. – Спокойной ночи, миссис Дженнер.

Вернувшись на кухню, я ставлю свой обед на поднос и уношу его в маленькую комнату. Там сажусь на пол и ем, прислонившись спиной к кушетке. Однокомнатная квартира не вмещает много мебели, но мне много и не требуется. Я вставляю в DVD-плеер один из своих любимых фильмов, «Побег из Шоушенка», и нажимаю кнопку воспроизведения. Я не трачусь на кабельное телевидение, мне вполне хватает дисков, которые я покупаю на гаражных распродажах. Вообще-то я предпочитаю читать, так что меня все это устраивает.

Убрав посуду, я засыпаю перед экраном и в постель забираюсь только после полуночи.

* * *

В семь зазвонил будильник. Я вылезла из кровати и обула кроссовки. Утро холодное, поэтому я надеваю теплые наушники и флисовую куртку. Пару минут делаю растяжку перед дверью своей квартиры, а когда выхожу на улицу, мое дыхание вырывается белыми клубами. Держа руку в кармане, я сжимаю в кулаке ключ от двери – так учил нас в школе инструктор по самообороне. Это меня успокаивает. Я держу ключ, пока не начинаю бежать трусцой по почти безлюдной беговой дорожке парка, а потом застегиваю карман с ключом на молнию, достаю наушники и включаю айпод. Пробежав свои обычные три мили, я возвращаюсь домой, чувствуя себя сильной и полной энергии.

Я быстро принимаю душ и сушу свои длинные темные волосы. Завязав волосы в хвост, натягиваю потертые джинсы и объемный серый свитер. Сегодня у меня выходной, и я не собираюсь ничего делать – только послоняться по дому, сходить в библиотеку и провести остаток дня на балконе под одеялом с хорошей книгой и чашкой чая. Вот интересно, не говорит ли такой план о том, что мне преждевременно пора на пенсию? Нормальные люди в двадцать два года днем высыпаются перед походом в ночной клуб, а я занимаюсь дегустацией своей чайной коллекции. Так вот.

Тридцать минут спустя, заправив постель и наскоро прибравшись, я уже иду по направлению к районной библиотеке и тут замечаю темно-серебристый «БМВ», припаркованный в квартале от моего дома. В машинах я не смыслю, но замечаю марку модели на заднем щитке – М6. Я слегка улыбаюсь про себя. Ясно, сегодня дежурит.

Я дохожу до библиотеки и провожу там около часа, выбирая новую стопку книг на предстоящую неделю. Беру четыре романа, поваренную книгу с рецептами недорогих блюд и книгу о Второй мировой войне. Пусть сейчас у меня нет денег, чтобы поступить в колледж, но знания надо накапливать, и я каждую неделю штудирую новую тему. По пути домой я замечаю в квартале позади себя высокого темноволосого красавца, который неторопливо топает за мной и делает вид, что разговаривает по мобильному телефону.

Я принимаю решение. Прохожу мимо своего дома, немного ускоряю шаг и сворачиваю за угол, в узкий переулок посреди квартала. Я бегу по переулку, надеясь обогнуть незнакомца и подойти сзади.

Запыхавшись, я снова сворачиваю на свою улицу, очень быстро дохожу до конца квартала и выглядываю из-за угла. Конечно же, он стоит посреди улицы, явно сбитый с толку, и не понимает, куда я делась. Я бесшумно подхожу к нему и громко говорю:

– Преследовать незнакомок невежливо.

Обернувшись, он слегка отскакивает, громко втянув воздух приоткрытым ртом. Глаза широко раскрыты.

– Господи! Вы меня до смерти напугали!

– Это я-то вас напугала? – Я недоверчиво смотрю на него. – Это вы прицепились ко мне, как репей. – Я склоняю голову набок. – Кстати, следопыт, когда кого-то преследуешь, нужно быть немного осторожнее. – Я машу рукой в его сторону. – Пялиться на свою жертву посреди улицы, как правило, означает провал. – Я прищуриваю глаза. Он молчит, пристально глядя на меня, его губы слегка приоткрыты. Его губы! Вправду красивые губы. Не отвлекайся, Эви. Он ведь может оказаться серийным убийцей! По крайней мере, серьезным психом.

Я подбочениваюсь.

– Ничего, не расстраивайся. Нужно немного поучиться, и дело пойдет на лад. Есть же обучающие видео, или, может быть, поищешь книжку на эту тему? «Шпик-извращенец, пособие для чайников»?

Я поднимаю бровь.

Несколько секунд он стоит неподвижно, не произнося ни слова, а потом разражается смехом.

– Ну, черт возьми, ты просто нечто! – В его голосе звучит восхищение. И смех... Вау, его смех действительно хорош.

С минуту я разглядываю его. Да уж, мне он и раньше казался красавчиком. Но вблизи этот тип потрясюще хорош собой: квадратная челюсть, прямой нос, глубокие карие глаза. Если в нем и есть какое-то несовершенство, так это то, что он слишком совершенен. Он высокий, широкоплечий и очень мужественный, на подбородке намек на щетину – скорее умышленная деталь, чем неопрятность. А когда он так смеется, то, клянусь, частичка моей души – та часть, которая хранит тайны даже от меня самой, – так и рвется к нему, словно его веселье – это незримая нить к моему сердцу. Дурдом. Я ведь даже не знаю этого парня. И напоминаю себе... преследователь... потенциально опасный псих...

– Ладно, – говорю я. – Ну все, концерт окончен. Почему ты таскаешься за мной? – Я снова прищуриваюсь. Но, честно говоря, ничуть не беспокоюсь. Никаких опасных импульсов от этого парня не исходит. А я ведь сталкивалась почти со всеми вариантами человеческого блядства. Я, можно сказать, эксперт по блядству.

Тут он делает нечто вконец обезоруживающее. Он проводит рукой по густым карамельно-каштановым волосам, опускает голову, смотрит на меня исподлобья и приподнимает брови – вид у него при этом смущенный и неуверенный, однако жутко сексуальный.

Я чуть в обморок не грохнулась.

Это, как видно, его коронный номер. Уверена, от такого взгляда любая девушка в городе готова сбросить трусики, не сходя с места. Я выпрямляюсь в шоке от собственных мыслей. Обмороки – не моя фишка. И трусиков я просто так не сбрасываю.

Он начинает говорить, и я прихожу в себя.

– Я был так замечен, да? – У него еще хватает такта выглядеть смущенным. Он делает шаг ко мне. Я делаю шаг назад. Он останавливается.

– Я не причиню тебе вреда, – говорит он так, словно мое недоверие и вправду обижает его. То есть он что, всерьез? Я что, еще раз должна напомнить ему, что он шпик-извращенец? Честно говоря, я его не боюсь, но и не знаю, а от незнакомцев предпочитаю держаться подальше.

– Как на ладони. – Я наклоняю голову набок и смягчаю тон. – Ну, хватит в игрушки играть. Я хочу знать, почему ты преследуешь меня.

Кажется, он раздумывает, отвечать или нет. Смотрит мне в глаза и тихо говорит:

– Я знал Лео. Он просил меня навести о тебе справки.

Глава 4

Мой мир с визгом тормозит и останавливается, и я замираю с открытым ртом.

– Что? – хриплю я.

С помощью одного имени он превратил меня в дрожащее, трясущееся месиво. Но я беру себя в руки. Этому чужому парню необязательно об этом знать. Выпрямившись, я спрашиваю уже громче:

– Что значит, ты знал Лео? – Я не подаю вида, что прошедшее время меня пугает.

Конечно, я тысячу раз задавалась вопросом, не случилось ли что-то с Лео, убеждая себя, что наверняка с Лео что-то случилось, раз он не связывался со мной все эти годы, и особенно раз он нарушил обещание написать мне, как только приедет в Сан-Диего. В первые несколько месяцев я придумывала миллион сценариев, почему мой прекрасный мальчик исчез из моего мира... автокатастрофа по дороге из аэропорта в новый дом... неожиданный грабитель в доме, когда они прибыли...

Когда мне исполнилось шестнадцать, я пошла в библиотеку и просмотрела калифорнийские газеты за неделю до его переезда в поисках новостей о безвременной кончине мамы, папы и их сына-подростка. Каждый бесплодный поиск приносил и облегчение, и разочарование... и сокрушительное горе.

Я даже как-то создала фальшивый аккаунт на Фейсбуке и искала его имя, но ничего не нашла. Своего аккаунта у меня не было. Слишком много людей из моего прошлого могли попытаться связаться со мной, и это мне было ни к чему.

Беда в том, что я очень мало знала о новой семье Лео, кроме того, что его приемный отец работал в больнице. Я даже не знала, врач он или администратор: сам этот факт, город, в который они переезжали, имя и возраст Лео – вот все, чем я располагала.

Конечно, мои возможности были невелики: библиотечный компьютер да старые газетные статьи, так что неудивительно, что мне не удалось далеко продвинуться.

После безуспешных попыток найти хоть какие-нибудь сведения о нем я поклялась себе, что перестану об этом думать. Слишком было больно, практически невыносимо. Так что в день, когда мне исполнилось восемнадцать, – а в этот день он обещал прийти за мной, – слезы текли по моим щекам, я закрыла глаза и представила, как он улыбается там, на крыше, под зимним небом, и таким он остался в моем сознании.

Подняв глаза, я вижу, что парень пристально рассматривает меня, слегка хмурясь, но не подходит ближе и не пытается прикоснуться ко мне. Я поворачиваюсь, прохожу несколько футов к ступенькам крыльца, сажусь и делаю глубокий вдох. Мои ноги дрожат. Я повторяю свой вопрос:

– Что значит, ты знал Лео?

Он медленно подходит ко мне и жестом указывает на другую сторону ступеньки, на которой я сижу, молча прося разрешения сесть. Я киваю. Он садится по другую сторону лестницы, ступенькой ниже, слегка поворачивается ко мне и наклоняется вперед, упираясь локтями в мускулистые бедра. Я улавливаю запах его одеколона, что-то чистое, древесное и восхитительное.

– Лео погиб в автокатастрофе в прошлом году. Мы были друзьями, товарищами по школьной команде. Мы все думали, что еще день-другой, и он выкарабкается, но этого не случилось. Мы навестили его все вместе, он попросил меня остаться и рассказал немного о тебе. И заставил меня пообещать навести о тебе справки, убедиться, что ты в порядке, что ты в хорошем месте, счастлива. Он знал, что я переезжаю сюда, чтобы работать в фирме моего отца, и что мне будет легко убедиться во всем воочию.

Он хмурит лоб и говорит медленно, как будто хочет быть уверенным, что говорит все правильно. Но что-то он скрывает. Бог весть, откуда я это знаю, просто знаю, и все.

Я в оцепенении и в замешательстве, несколько минут я молчу.

– Понятно. А что именно Лео сказал тебе обо мне? – спрашиваю я наконец, взглянув на парня. Он пристально смотрит на меня.

– Только то, что вы познакомились в приемной семье и что ты для него много значила. Он сказал, что вы потеряли друг друга из виду, но его всегда интересовало, как сложилась твоя жизнь. Это и вправду все.

Я молчу, и он продолжает:

– Я переехал сюда в июне, но мне потребовалось несколько месяцев, чтобы освоиться. Теперь у меня наконец появилось время, чтобы выполнить обещание. – Он улыбается мне, глядя сквозь длинные ресницы цвета карамели. Но теперь это грустная улыбка.

Неуверенная.

Я улыбаюсь в ответ. Я не покажу, насколько обидными оказались его слова о Лео. Мы потеряли друг друга из виду? И все эти годы он был жив-здоров, жил себе в Сан-Диего и ни разу не написал мне, не позвонил и не попытался хоть как-то связаться со мной? Почему? Я даже не знаю, как воспринять то, что секунду назад мне сообщили о его смерти. Что он умер. Нужно пойти домой и там свернуться в клубок на пару часов. Переварить информацию. Я неуверенно встаю, и парень тоже вскакивает на ноги. Я вытираю о джинсы потные руки.

– Мне горько слышать о смерти Лео, – наконец говорю я. – Похоже, ты мало что знаешь о нашей истории, но Лео... он нарушил обещание, которое мне дал. Это было очень давно, и я больше о нем не думаю. Непонятно, зачем он послал тебя наводить обо мне справки. Если он хотел знать, как сложилась моя жизнь, мог отыскать меня раньше... ну да, раньше. Все равно ты молодец, что сдержал слово, данное другу. Теперь твоя миссия окончена. Вот она я, в полном порядке. Дело сделано. Предсмертное желание исполнено. – Я заставляю себя слабо улыбнуться, но уверена, что улыбка больше похожа на гримасу. Он не улыбается в ответ. Вид у него огорченный.

– Кстати, как прикажешь называть моего личного шпика-извращенца?

Он улыбается, но одними губами.

– Джейк Мэдсен, – говорит он, все еще пристально глядя мне в лицо.

– Ну, Джейк Мэдсен, он же шпик-извращенец, очевидно, ты уже знаешь, что я Эвелин Круз. И что меня можно называть Эви. – Я протягиваю руку, и, когда он сжимает ее в ответ, словно крошечные искры проскальзывают между нашими телами, и вдруг оказывается, что я – это и есть рука. Прочие части моего тела, не тронутые Джейком Мэдсеном, перестали существовать. Это очень странно, интересно, чувствует ли он то же самое. Судя по тому, как он пристально смотрит на наши руки и как легкая улыбка приподнимает уголок его губ, чувствует. Вот как, у меня, как видно, химическая связь с этим парнем. Тоже мне, сюрприз. У кого бы не случилось химической связи с мужчиной такой наружности? Он, поди, втайне смеется и думает: «Еще одна? Да неужели?» Уверена, женщины каждый день складываются перед ним в штабеля. Очень мило. И от того, что я думаю о штабелях, едва услышав, что любовь всей моей жизни покинула этот мир, мне очень, очень неловко, не говоря уж о том, что это странно и больно. Пора идти.

Я первая отстраняюсь, он хмурится и смотрит мне в глаза.

– Пока, Джейк, – говорю я, поворачиваюсь и иду к своей квартире.

– Эви, – зовет он, и я оборачиваюсь. – Ты ведь будешь скучать обо мне, да? – И улыбается.

– Знаешь, Джейк, думаю, что буду. – Я улыбаюсь в ответ, поворачиваюсь и быстро иду домой.

Едва закрыв за собой дверь, я опускаюсь на пол, сворачиваюсь в позу эмбриона и плачу по моему прекрасному мальчику, по моему Лео. Мои слезы – это слезы горя и потери, смятения и боли.

Это слезы о мальчике, которого я потеряла, и о мальчике, который бросил меня. Столько лет я была сердита и обижена на него, но, оказывается, мне все же грустно от того, что прекрасная душа Лео больше не ходит по этой земле, и боль от этого бесповоротного знания почти невыносима.

Наконец я засыпаю прямо там, где лежу, но я уже знаю из прошлого опыта: для того чтобы плакать, не обязательно бодрствовать.

Глава 5

Эви десять, Лео одиннадцать

Обед в этом месте всегда похож на организованный бедлам. Моя обязанность – наполнить кувшины водой и принести всем стаканы. Я стою у раковины, наполняя второй из трех высоких кувшинов, а прочие дети с шумом сплывают вокруг, выполняя каждый свою работу. Те, что постарше, болтают, хохочут, временами дерутся.

Я сажусь за стол на свое обычное место, только в этот вечер все по-другому: новенький, Лео, с угрюмым видом сидит слева от меня, там, где раньше сидел Алекс, двенадцатилетний ушастый мальчишка. Три дня назад Алекс уехал в более постоянную приемную семью. Ведь здесь на самом деле просто камера хранения для детей, которых необходимо немедленно куда-то приткнуть. В конце концов мы все разъедемся.

Лео здесь первый день. Он отвечает за раскладывание салфеток, и я замечаю, что он положил их справа от тарелок, а они должны быть слева. Мне это известно только потому, что я люблю читать такие книжки, как «Аня из Зеленых Мезонинов» и «Домик в прерии», из которых и нахватываюсь таких случайных знаний.

Пока мы сидим и ждем, когда приемные родители и две их дочери-подростка поставят на стол еду, одна из приемных девочек, тринадцатилетняя Элли, вся в прыщах и в складках жира, на которые особенно тошно смотреть, потому что она подчеркивает их тесными штанами в обтяжку, выстреливает в меня горошиной из миски, которую только что поставили на стол.

– Эй, илюшка, – шепчет она, растягивая слово, и складывает губы в жуткой гримасе, будто работает в какой-то адской будке поцелуев. – Я слышала, твоя мамаша-иллюха сегодня не явилась в суд. Видно, сосала чей-то член в переулке за мелкие деньги. Яблоко от яблони недалеко падает.

Мои глаза расширяются, я чувствую, как их жгут слезы. Не буду плакать. Не буду плакать. Я смотрю в свою тарелку.

Конечно, в этом доме нет секретов. При желании достаточно легко подслушать, о чем социальные работники говорят с нашими приемными родителями в гостиной в передней части дома. А потом дом полнится сплетнями. Мы прекрасно знаем обо всех кошмарах, которые привели каждого из нас в этот плавилиный котел отчаяния.

И я знаю секреты Элли. Знаю, что ее мать умерла, что ее отец сошел с ума, не смог работать и заботиться об Элли и ее сестре. Но я не говорю ни слова.

Под столом я держу за руку Иву, сидящую справа от меня, она нежно сжимает мою руку, ее широко раскрытые глаза смотрят в тарелку.

– Я просто говорю правду, Эви, – заявляет Элли с противным фыркающим смехом. – Лучше, если ты согласишься правде в глаза. – И почему каждый жестокий человек считает себя идеалом правдивости? Как будто им нужно сказать спасибо за то, что они опустошают ваше сердце своей невероятной честностью.

Я не отвечаю, и Элли быстро находит себе объект поинтереснее, чем я со своим молчанием.

Через минуту я поднимаю глаза и вижу мальчика по имени Лео. Я смотрю на него, но он не отводит взгляда.

– Почему ты на меня смотришь? – с пылающими щеками шиплю я. Мне стыдно за реплики, которые он только что услышал.

Он продолжает смотреть, а потом пожимает плечами.

– Потому что мне нравится твое лицо, – говорит он, но теперь уголок его рта приподнимается в полуулыбке.

Глава 6

На следующее утро я просыпаюсь с ощущением, будто меня переехал грузовик. Я все еще чувствую комок в горле, когда думаю, что Лео погиб в автокатастрофе. Закрыв глаза, я снова представляю, как он улыбается мне зимой на крыше. Во второй раз в жизни я запоминаю его таким.

Я стою под горячим душем столько, сколько мне хочется, ничуть не заботясь о счете за горячую воду. Сегодня – день комфорта. Я буду бездельничать, есть мороженое, читать, а потом пойду к Николь и Майку на ужин. Как раз то, что мне нужно.

Я долго вытираю волосы, пока они не падают на спину темными волнами, и надеваю темные узкие джинсы и белый свитер, который, как я считаю, мне ужасно идет.

Мороженого в доме нет, поэтому я отправляюсь в магазин. Возьму две пинты, не меньше. А завтра уж пробегу лишнюю милю.

Едва выйдя из подъезда, я вижу Джейка: он стоит, прислонившись к машине, и, скрестив руки на груди, улыбается мне. На нем поношенные джинсы и серая теплая рубашка с длинными рукавами, надетая поверх черной футболки. В первый раз я вижу его в джинсах; всю неделю, когда он преследовал меня по городу, он был в костюме. От меня не ускользает, что джинсы сидят на Джейке Мэдсене превосходно.

Я останавливаюсь и скрещиваю руки на груди, склонив голову вправо.

– Тебе что, нужно помочь найти собачку?

Он смотрит на меня с удивлением.

– Нет, собирался предложить тебе конфетку. У меня в машине есть. – Теперь он улыбается. Да что за дела, это мои домыслы или за ночь он стал еще красивее? Я ничего не могу с собой поделать и улыбаюсь в ответ, качая головой.

Ядвигаюсь с места, он идет рядом со мной, и я вдыхаю его чистый, древесный запах. Боже, как он хорошо пахнет. Я приоткрываю рот, желая ощутить его запах. Как, неужели я такое сотворила? Только бы он не заметил! Не знаю, что на меня нашло. Может быть, Эви, тебе еще и лизнуть его? Я издаю внутренний стон.

Повернувшись, я смотрю на идеальный профиль Джейка. Роста в нем, должно быть, не меньше шести футов и двух дюймов. А во мне – пять футов и пять дюймов. Но он смотрит прямо перед собой. Я облегченно выдыхаю и нарушаю молчание.

– Знаешь, я уверена, что в городе десятки девушек, которые были бы счастливы, если бы ты их преследовал. Как-то несправедливо, что вся твоя маньяческая деятельность заиклилась на мне.

Он улыбается.

– А мне понравилось циклиться на тебе, Эви. – Улыбка пропадает с его лица. Его проникновенные карие глаза смотрят испытующе, почти нервно.

Я останавливаюсь и скрещиваю руки на груди. Он тоже останавливается, и я замечаю, как он бросает быстрый взгляд на мою грудь, которая теперь выпирает под руками. Вот тебе на. Но мне нравится, как он смотрит, и ничего не поделать.

Я делаю глубокий вдох.

– Послушай, Джейк, – говорю я серьезно. – Вчера ты застал меня врасплох, рассказав о человеке, о котором я давно не думала, но я в порядке. Тебе больше не нужно наводить справки. Моя жизнь прекрасна. Не интересна. Не шикарна. Но у меня есть все необходимое. Я счастлива.

Последние слова больше похожи на вопрос, чем на утверждение. Ну и пусть.

Джейк ерошит пальцами волосы, смотрит неуверенным взглядом – ага! коронный трюк! – и говорит:

– Просто вчера, когда я уходил, мне показалось, что ты расстроена. Из-за меня. И я хотел убедиться, что ты в порядке сегодня – не вообще, а именно сегодня.

Он говорит так искренне, будто в самом деле беспокоится обо мне, и я невольно улыбаюсь.

– Вчера все было в порядке, – лгу я. – Просто мне не по себе, когда я слышу о чьей-то трагической гибели, даже если это незнакомый человек. Ничего страшного: порция мороженого, и все отлично. Я, собственно, за ним и иду. Не хочешь прогуляться со мной в продуктовый магазин? Последнее преследование, чтобы помянуть старое? – Я подмигиваю.

Он смеется, и мы движемся вперед.

– Ну, это уже не преследование, но, если ты приглашаешь, я с удовольствием провожу тебя в магазин.

– Не знаю, готов ли ты к такому скачку в своем статусе, – поддразниваю я. – Был преследователем и за один день сделался провожатым? А ты-то небось думал, со мной все просто?

– Давай показывай дорогу, острячка, – говорит он, хватая меня за руку.

Я слегка вздрагиваю и смотрю на наши соединенные руки. Вот так вот, за ручку? Странновато.

И снова теплое чувство, когда наши руки соприкасаются. «Все страньше и страньше», как говорила Алиса, оказавшись в Стране Чудес. Он просто проявляет вежливость, Эви, потому что думает, что расстроил тебя. Возьми себя в руки! Мне становится неловко, поэтому я отнимаю руку, делая вид, что ищу в сумочке солнечные очки. Нацепляю их, хотя на улице отнюдь не солнечно, и хватаюсь обеими руками за ремешок сумки, чтобы у него не возникло соблазна снова взять меня за руку.

Я украдкой бросаю взгляд на Джейка, он слегка хмурится, но ничего не говорит, и мы идем дальше.

Все это более чем странно.

– Ну, – говорю я, чтобы сгладить внезапно возникшую неловкость, – и чем занимается компания твоего отца?

Прежде чем ответить, он бросает на меня быстрый взгляд.

– Мы производим продукт для отдела национальной безопасности правительства. По сути, это рентгеновская технология, которая используется в аэропортах по всему миру. Есть еще несколько небольших ответвлений, но это наша основная линия. – Я киваю, и он продолжает: – Отец основал свою компанию тридцать лет назад, у него есть филиалы здесь и в Сан-Диего, но в последние годы здешний филиал дышит на ладан. Я начал работать с ним пару лет назад и переехал сюда, чтобы поставить филиал в Цинциннати на ноги. Вообще-то требовалась только провести реструктуризацию и заменить некоторых топ-менеджеров, которые больше заботились о собственном кармане, чем о процветании фирмы.

Я снова киваю, и мы заворачиваем за угол, к продуктовому магазину.

– Отец, должно быть, очень доверяет тебе, раз так скоро поручил тебе такое ответственное дело.

Он слегка напрягается.

– Я никогда не давал ему особого повода доверять мне. На самом деле он умер почти год назад, за полгода до моего переезда сюда.

Он снова хмурится; не знаю, что он такое натворил, чтобы нуждаться в оправдании перед отцом, но по непонятной причине мне хочется одного: заставить его улыбнуться.

Поэтому я хватаю его за руку, снова держусь за нее и улыбаюсь во весь рот.

– Просто я рада, что тебе есть чем заняться после того, как ты спалился и твоей недолгой карьере шпика пришел конец.

Он снова расхохотался, его карие глаза потеплели, и снова возникло это чертово притяжение.

Черт возьми, пора уже моим дурацким гормонам расслабиться.

Похоже, у нас с Джейком довольно быстро установились дружеские отношения, и какая-то часть меня очень довольна. Ведь он красавец и вроде бы хороший парень.

Но другая часть меня слегка обеспокоена. Я ведь совсем ничего не знаю о Джейке, кроме того, что он мне рассказал, а то, что он имеет отношение к Лео, посылает всевозможные путанные сигналы – сигналы, которые я предпочитаю не расшифровывать, по крайней мере не сейчас.

Входя в магазин, мы сталкиваемся с красивой девушкой с длинными рыжими волосами. Увидев Джейка, она делает двойную охотничью стойку, но он, кажется, вообще не замечает ее, и я улыбаюсь про себя.

Я решаю купить кое-что еще помимо мороженого, и, когда мы доходим до морозильника, в моей тележке уже полно продуктов.

– Какое ты любишь? – спрашивает Джейк, открывая дверцу холодильника.

– Вкус орехового масла, – говорю я, залезая в другой холодильник в паре шагов от него.

Он достает пачку мороженого со вкусом орехового масла; в тот же миг я достаю такую же, но другой марки.

– Зачем тебе такое? – спрашивает он. – Это в два раза дороже. Наверное, оно лучше.

Я качаю головой.

– Дело не в цене, Джейк. Это «Самое крутое мороженое в мире». Смотри, на пачке прямо так и написано, – серьезно говорю я.

Он переводит взгляд с одной упаковки на другую.

– Эви, – начинает он, как будто объясняет что-то пятилетнему ребенку. – Ты ведь знаешь, на упаковке можно написать все, что угодно. Это не значит, что это правда.

– Видишь ли, – возражаю я. – Ты прав. Но ты ошибаешься. По-моему, девяносто пять процентов понимания того, что ты лучший, – это уверенность. Можно подозревать, что ты лучший, можно надеяться, что ты лучший, но если у тебя не хватает наглости объявить, что ты лучший с помощью наглой упаковки, а кто не верит, пусть проверяет, если посмеет, то никакой ты не лучший. Кто может устоять перед парнем, который искренне верит в себя?

Он снова пристально смотрит на меня, но я просто бросаю мороженое в тележку и иду по проходу к кассе. Моя точка зрения доказана.

Мы пробиваем покупки на кассе, и Джейк достает бумажник, чтобы заплатить за купленную мною снедь. Но я отпихиваю его деньги и сую кассиру свои, сердито глядя на Джейка. Он качает головой и убирает кошелек. Пусть я и не управляю многомиллионной компанией, но уж за свои сраные продукты заплатить могу.

Мы возвращаемся к моему дому в дружеском молчании, держа в руках по два пластиковых пакета с продуктами.

– А могу я спросить, что ты имел в виду, когда сказал, что не дал отцу повода доверять тебе? – спрашиваю я, как бы между прочим, но надеясь, что Джейн как-то объяснит свои предыдущие слова. Если он ненадежен, я хотела бы знать об этом прямо сейчас.

Он вздыхает.

– Я был избалованным ребенком. Эгоистичным и испорченным, и я сделал все, что не должен был делать. Когда дело касалось саморазрушения, я был первым в очереди. Прямо скажем, ни один родитель не мечтал о таком сыне.

Я смотрю на него понимающим взглядом и вижу в его глазах грусть. Похоже, он не ждет ответа, и мы продолжаем идти молча.

Мы добираемся до входной двери моего дома, я толкаю дверь ногой и вхожу.

– На входной двери нет замка? – удивляется Джейк. Когда я снова смотрю на него, его лицо напряжено, а на подбородке дергается мышца. Он выглядит взбешенным.

– А, нет. Я несколько раз звонила хозяину, но поняла, что для него это не первоочередная задача. Все в порядке. У нас довольно безопасный район. Никто не назовет его лучшим в мире, но он вполне приличен, – шучу я, пытаюсь разрядить внезапно накалившееся настроение Джейка.

Джейк следует за мной, и мы идем к двери моей квартиры.

Он ставит сумки на пол и выжидающе смотрит на меня.

– Хм-м... спасибо, Джейк, – говорю я, не собираясь приглашать его в свою простецкую крошечную квартирку. – Поход оказался куда приятнее, чем я ожидала. – Я улыбаюсь и продолжаю смотреть на него, не двигаясь с места.

Мы оба поворачиваем головы: Морис, мой сосед по коридору, крупный, мускулистый чернокожий парень, который работает на стройке, открывает дверь своей квартиры и стоит на пороге, скрестив руки на груди и подозрительно глядя на Джейка. Выглядит Морис так, будто может уложить боксера-профессионала, но, по сути, это просто большой плюшевый мишка. В обмен на порой перепадающий ему пакет черничных кексов (его любимых) или апельсиновых с клюквой (тоже любимых) он присматривает за мной.

– Привет, Морис. – Я широко улыбаюсь. – Это Джейк. Я в порядке. Все в порядке, э-э... мы в порядке, – неловко говорю я.

Морис продолжает смотреть на Джейка, как будто узнал его по портрету на сайте сексуальных маньяков, но Джейк делает несколько шагов и с улыбкой протягивает руку.

– Привет, Морис, – говорит он.

Наконец Морис смягчается, пожимает протянутую руку Джейка и говорит:

– Привет, Джейк.

Думаю, на языке мужчин это значит: все хорошо до дальнейшего уведомления.

В течение минуты мы все молчим, наконец я нарушаю тишину:

– Спасибо, Морис. Увидимся! – Я улыбаюсь.

Морис молчит еще секунду и говорит:

– Я здесь, за дверью, Эви. Если понадобится, позвони.

– Хорошо, Морис, – тихо говорю я.

Морис исчезает за дверью своей квартиры, а Джейк оглядывается на меня. Он переводит взгляд с меня на дверь, наконец вздыхает, снова ерошит рукой свои короткие волосы и хмурит лоб так, что у меня сердце замирает.

– Ладно, я все понял. Меня не приглашают. Можно мне хотя бы твой номер телефона, Эви?

Я молчу. Хорошо, а почему бы и нет? Он мне нравится. Он красивый, славный, с ним мне так хорошо, как долгое время не было ни с кем. По правде говоря, вообще ни с кем и никогда. Со времен Лео... но об этом думать нельзя. И вообще это было восемь лет назад. Я тогда была ребенком. А в моей взрослой жизни никто не действовал на меня так, как Джейк Мэдсен.

Наверняка это вполне естественно в мире Джейка, но крайне необычно в мире Эви, и это приятное, захватывающее чувство.

– Давай мобильник, – говорю я, и он передает его мне. Я вбиваю свой номер и возвращаю аппарат.

Джейк улыбается, поворачивается, чтобы уйти, и говорит:

– Я больше не преследую тебя, Эви. Вот теперь мы повысили наш статус до реального. Я смеюсь.

– Послушай, Джейк Мэдсен, ты всегда все портишь? – Но при этом я улыбаюсь как идиотка, и, когда я вижу его отражение в стеклянной двери, оказывается, что он тоже. О боже, Джейк Мэдсен позвонит мне. Я очень хочу, чтобы Джейк Мэдсен позвонил мне.

Черт побери.

Глава 7

Николь заезжает за мной чуть позже пяти, и я сажусь на пассажирское сиденье ее маленькой серебристой «Хонды» с бутылкой красного вина и коробкой шоколадных кексов в руках. Кейли обожает шоколадные кексы, а я обожаю Кейли.

– Ты вся светишься, – улыбаясь, говорит Николь. – Пользуешься новым увлажняющим кремом или встретила прекрасного принца?

Наверное, я слишком долго молчу, прежде чем ответить:

– Да нет. Наверное, просто от холодного воздуха.

Николь открывает рот и бормочет:

– О боже! Все-таки это случилось. Ты встретила парня. Вот это да. Да, я ждала этого целую вечность. Стой! Пока ничего не говори. Майк должен узнать все подробности.

– Что? Николь. Серьезно. Ничего не случилось. На самом деле. – Я хмурюсь – может быть, и вправду ничего?

Николь буквально подпрыгивает на своем сиденье и по пути к своему дому нарушает, наверное, сразу двадцать разных правил дорожного движения.

Подъехав к дому, она выскакивает из машины и, хотя на ней красные туфли на каблучках весьма ненадежного вида, подбегает ко мне и практически вытаскивает меня из машины, выхватив бутылку вина из моих рук.

Она впускает нас, и Кейли немедленно подбегает к двери, крича: «Тетя Эви! Тетя Эви!»

Я, смеясь, обнимаю ее и прижимаю к себе.

– Кейли, я не думала, что это возможно, но ты стала еще красивее. Боюсь, что положение Золушки становится небезопасным.

Она хихикает.

– Нет, Спящей красавицы! Я хочу быть Спящей красавицей!

– Ладно, значит, у Спящей красавицы серьезные неприятности. – Я осторожно опускаю ее на пол и шепчу: – Я принесла шоколадные кексы. Если хорошо пообедаешь, дам тебе самый большой. – И подмигиваю.

– Хорошо, тетя Эви, – заговорщицки шепчет она в ответ. И с этими словами убегает дальше играть со своими Барби, которых побросала на пол, когда я вошла.

Николь, проверявшая что-то вкусно пахнущее в духовке, открывает принесенную мной бутылку вина, достает из буфета два бокала и начинает разливать.

– Давай выкладывай, – говорит она, когда Майк спускается по лестнице с влажными после душа волосами.

– Эви, – кричит он мне. – Как дела? – Он заходит на кухню и быстро обнимает меня. Мне нравится Майк. Хороший парень, добрый, один из лучших.

– Дела у нее великолепны, – перебивает Николь. – Она встретила парня. Как раз собирается рассказать подробности. Ну же. Давайте присядем.

– Нет, серьезно, ребята, – говорю я. – Ник, ты придаешь этому слишком большое значение. Это просто невероятно красивый, забавный парень, с которым я познакомилась после того, как он преследовал меня всю прошлую неделю. – Я плюхаюсь на диван, ставлю свой бокал на журнальный столик, беру лежащий там журнал «Пипл» и начинаю лениво листать его, чтобы позлить их.

Николь и Майк не могут усидеть на месте. Они стоят посреди гостиной и смотрят на меня.

– Что? – кричит Николь. – Преследовал тебя? Зачем? Стой-ка! Откуда ты знаешь, что преследовал? Это правда?

Майк молчит, но смотрит на меня так, будто немного растерян и рассержен. Оба садятся на диванчик напротив меня.

Я кладу журнал и беру свой бокал.

Я думаю обо всем, что произошло за последние сорок восемь часов, и внезапно чувствую себя ошеломленной. Делаю большой глоток красного вина и слегка хмурюсь. Если уж выкладывать, то выкладывать все.

– В общем, так, ребята. Пожалуй, я начну с самого начала.

Николь взглядывает на часы и пялится на меня так, как будто я сейчас расскажу, где похоронен Джимми Хоффа¹.

– Ужин будет готов через двадцать минут. Валяй. – Их глаза прикованы ко мне. Я действительно очень люблю их обоих. И давно должна была рассказать им о своем прошлом. Но мне так хотелось, чтобы прошлое осталось позади.

– Вы же знаете, я выросла в приемной семье, – начинаю я. – Я никогда не объясняла почему, но дело в том, что моя мать была наркоманкой, готовой на все, чтобы получить дозу. Ее никогда не интересовало, где я, есть ли в холодильнике еда, есть ли у меня чистая одежда. И ей было совершенно все равно, кого приводить домой на свои вечеринки, то есть ее не заботило, с какими извращенцами мне приходилось иметь дело. Пару раз ей приходилось наблюдать, как некоторые ее парни вели себя со мной совершенно неподобающе. – Я делаю еще один большой глоток вина. – Конечно, она бывала в такой отключке, что трудно сказать, видела ли она это на самом деле. К счастью, я умела прятаться, когда на нее находило и гудеж шел несколько дней кряду. Я пряталась в шкафу, под кроватью, в общем, всюду, куда могла поместиться и где чувствовала себя в безопасности. – Я смотрю на Николь: у нее потрясенный вид, в глазах блещут слезы. Лицо Майка застыло, взгляд устремлен на Кейли, которая играет со своими куклами в столовой, вне зоны слышимости.

– Ну, и в общем, – вздыхаю я, – на одно из ее сборищ наконец вызвали полицию, и меня застали в компрометирующей позе с одним из обдолбанных гуляк. – Николь задыхается. Майк стискивает зубы.

– О, дорогая, – шепчет Николь. Я отмахиваюсь. Это было так давно. Кажется, целую жизнь назад.

Но, если честно, иногда кажется, что это было вчера. Я замолкаю на минутку, чтобы собраться с мыслями и эмоциями.

– Попад в приемную семью, я почти сразу встретила мальчика по имени Лео. Мы жили в одном доме всего несколько месяцев, но между нами возникла привязанность, такая сильная, что это невозможно объяснить тому, кто не был в таком положении, не знал чувства полного одиночества в мире, а ведь мы были совсем детьми. – Я замолкаю, задумавшись. – И дело не только в том, что мы оказались в похожем положении, дело в том... – я снова прерываюсь, обдумывая, как лучше выразиться, – дело в том, что я как будто нашла свою вторую половину и наконец-то почувствовала себя полноценной. Я знаю, это трудно понять, ведь мне было всего десять лет, но для меня это было правдой, простой и ясной. Казалось, что все эти десять жутких лет были мне даны только для того, чтобы свести меня с этим мальчиком именно там и тогда, и поэтому я была только благодарна за любую боль, которая помогла сблизить нас.

Я смотрю на Николь и Майка, и они смотрят на меня с одинаковым потрясенным выражением.

Это, наверное, рекордное количество слов, сказанных мною о себе за те три года, что я их знаю.

– Эви, – выдыхает Николь.

Я мягко улыбаюсь ей и продолжаю:

¹ Джимми Хоффа – американский профсоюзный лидер, неожиданно исчезнувший при загадочных обстоятельствах в 1975 году.

– Сначала мы подружились, и я считала его почти старшим братом, защитником, но годы шли, мы стали старше и полюбили друг друга. А когда влюбляешься, неважно, в каком уродском месте это происходит, все равно все кажется прекрасным. И благодаря ему место кошмаров превратилось в место грез. Я то и дело ходила в суд, давала показания против родной матери, которая так ни разу и не появилась на процессе. – Я снова замолкаю, позволяя воспоминаниям о той боли нахлынуть на меня. – Но благодаря ему все было хорошо. Лео любил меня, и я всегда чувствовала, что со мной все будет хорошо. – Мои глаза уже на мокром месте, нужно собраться с силами, чтобы продолжить.

– Он переехал в другую приемную семью неподалеку от моей, но навещал меня так часто, как только мог, и мы всегда встречались на крыше за окном моей спальни. Мы мечтали вместе, планировали совместную жизнь. Мы были совсем юными, но такими уверенными. – Я непроизвольно улыбаюсь.

– Когда мне было четырнадцать, а ему пятнадцать, его усыновила супружеская пара. Это было потрясением, потому что подростков усыновляют крайне редко. Я не очень много знала об этих людях, но из слов Лео следовало, что они были очень добры и на самом деле просто хотели дать дом ребенку, который, скорее всего, не надеялся его иметь. Я была счастлива за него, но беда была в том, что его приемный отец получил новую работу в Сан-Диего и они должны были вот-вот переехать. Мы поклялись, что будем ждать друг друга, что он приедет за мной, когда мне исполнится восемнадцать, и что мы будем жить вместе. Он пообещал, что, как только доберется до Сан-Диего, напишет мне, даст все свои координаты и мы будем переписываться. Он попросил меня пообещать, что я сохраню себя для него. Я и представить себе не могла ничего иного. В мыслях и в сердце я принадлежала Лео, а он принадлежал мне. Расстояние ничего не значило.

– Господи, милая, – шепчет Николь, прижимая руку к груди.

Я вздыхаю и продолжаю:

– Он пришел попрощаться накануне отъезда и в первый раз поцеловал меня. Не просто поцеловал – этот поцелуй был как клятва. Я слышала, как люди говорят, что теряют себя в поцелуе, но мы, наоборот, как будто нашли себя в ту секунду, когда наши губы встретились. Как будто он разобрал меня на части и вернул к жизни поцелуем.

Я снова молчу, а когда возвращаюсь к реальности, осознаю, что касаюсь пальцами своих губ. Убрав пальцы, я смотрю на Николь и Майку, а они таращатся на меня.

– Господи, милая, – повторяет Николь, и ей в самом деле больше нечего сказать.

Я смотрю на Николь и выстреливаю:

– Но он так и не написал мне из Сан-Диего. Больше я о нем никогда не слышала.

Они ошеломленно смотрят на меня.

– Но... – начинает Николь.

– Что... – говорит Майк.

Я поднимаю руку.

– Да-да, вот именно. Можете поверить, за последние восемь лет я прокрутила все возможные сценарии. Все, что только можно проверить, проверила. Но я не знала фамилии его приемных родителей, так что далеко не продвинулась. Была куча вещей, о которых мне в четырнадцать лет не приходило в голову спросить. Конечно, я тогда понятия не имела, что есть что-то, о чем он не расскажет. Но я действительно пыталась выяснить, в чем была причина его молчания. И каждый раз оказывалась с пустыми руками.

– Но ведь вы были еще детьми, Эви, – начинает Николь, и я останавливаю ее, отрицательно качая головой.

– Нет, я знаю, что мы были детьми, но эти чувства были самыми-самыми настоящими. Для нас обоих. Я не могу объяснить, почему он бросил меня, почему он лгал мне, но я знаю,

что его чувства до этого момента были очень, очень реальны. И не буду себя переубеждать. Не знаю, почему они изменились, но я не буду убеждать себя, что их не было. – Я закусываю губу.

Из кухни доносится громкое жужжание, Николь вскакивает, выключает плиту и секунд через тридцать снова оказывается на диване, зачарованно глядя на меня.

– Но так или иначе, – говорю я, пытаюсь поднять друзьям настроение, – это было восемь лет назад. – Я чувствую, что нужно как-то утешить их после печального конца моей истории.

Затем я рассказываю им о Джейке и его связи с Лео, о том, как я первая заговорила с ним и как он появился сегодня и попросил мой номер телефона.

– Черт возьми! – кричит Николь. – Эви, это судьба, вот что это такое. Мне жаль Лео. – Она грустно смотрит на меня. – Но ты говоришь, Джейк великолепен?

Я хохочу. Николь неподражаема. Она подмигивает мне, давая понять, что хочет, чтобы я улыбнулась.

– Да, просто роскошен. Нечеловечески прекрасен. Понятия не имею, зачем ему я, но, похоже, зачем-то нужна.

Николь и Майк смотрят на меня так, будто у меня две головы.

– Хм, дорогая, ты давно смотрела в зеркало? – мягко спрашивает Николь. Майк кивает и подхватывает:

– Эви, ты помнишь, как прошлым летом пришла к нам на гриль четвертого июля? Так все парни звонили мне на следующий день и спрашивали, могу ли я свести их с тобой.

Я машу на них рукой, словно отмахиваясь от их слов.

– Майк, ты ведь понимаешь, что у тебя очень странные друзья? – Но при этом улыбаюсь. Майк смеется.

– Понимаю. Мы, электрики, не славимся светским обхождением, а на вечеринке были в основном парни этого круга. Но они все-таки мужчины, Эви. И у них есть глаза.

Тут в комнату врывается Кейли, требуя ужина. И, должна признаться, я тоже сильно проголодалась. По-видимому, откровенность сжигает массу калорий.

Мы устремляемся на кухню, Николь достает кастрюлю из духовки, а я готовлю для всех коктейли. Стол уже накрыт.

– Милый, достань салат из холодильника, – просит Николь Майка, и он достает миску, завернутую в полиэтиленовую пленку, и присоединяется к нам, прихватив несколько бутылочек соуса. Мы все садимся и произносим короткую молитву, прежде чем приняться за еду.

За ужином мы непринужденно болтаем, расспрашиваем Кейли о ее детском садике, поддразниваем девочку ее «дружком» Мейсоном. Все это весело, тепло и прекрасно, как всегда. И как всегда, когда я прихожу на ужин к Николь и Майку, я думаю, будет ли у меня когда-нибудь своя семья. Я надеюсь на это, но не позволяю себе об этом мечтать. Так безопаснее. Пока достаточно светиться их отраженным светом.

После ужина Николь начинает загружать посудомоечную машину, а я предлагаю искупать Кейли и уложить ее спать. Мы поднимаемся наверх, и я наполняю ванну теплой водой с пузырьками, и мы болтаем и смеемся, пока Кейли моется.

Когда я вытираю ее, она спрашивает:

– Тетя Эви, ты расскажешь мне сказку на ночь? Твои сказки самые лучшие.

Я улыбаюсь и прижимаю к себе ее маленькое, завернутое в полотенце тело.

– Да, солнышко, но только быстро, потому что тетя Эви устала, а завтра рано на работу, хорошо?

– Хорошо, – звенит она.

Я помогаю ей надеть ночную рубашку и почистить зубы, потом мы уютно устраиваемся в постели, и я начинаю.

– Однажды жила-была маленькая девочка, которая была такой ужасно милой, такой удивительно милой, такой невероятно милой, что у того, кто целовал ее, губы становились как чудесные леденцы.

– Твердыми, как леденцы, тетя Эви? – спрашивает Кейли, слегка хмурясь.

– Нет, не твердыми, просто сладкими и пахучими, и немного ярче естественного цвета. Это было не только вкусно, но и красиво. – В глазах Кейли появляется восторг.

– Мама поцеловала ее, и у ее губ появился вкус вишни и ванили. Сестренка поцеловала ее, и ее губы пахли жевательной резинкой.

– Но, тетя Эви, а что, если им не понравится вкус их губ?

– Ну, вкус держался всего около трех месяцев, а со временем исчезал. Но всем нравился вкус их губ, потому что каким-то образом он был связан с химией в теле конкретного человека, и поэтому все само собой получалось правильно.

Кейли кивает и прижимается ближе.

– Ну, в конце концов об этой девочке и ее необыкновенной способности пошли слухи, и люди стали приезжать со всего мира, чтобы поцеловать ее и получить для себя сладкие губы. Довольно скоро толпы стали такими большими, что ее родителям пришлось брать плату, чтобы удержать толпу, и тогда они смогли бросить работу и открыть бизнес, который они называли «Карамельные губы».

Кейли зевает, и я тоже.

– Маленькая девочка становилась все печальнее и печальнее из-за всех тех людей, которые приходили только для того, чтобы использовать ее способности. Родители видели, что с каждой неделей она становилась все более замкнутой и отстраненной, их милая-милая дочка чахла прямо у них на глазах.

Кейли снова зевает.

– И вот однажды ночью они переехали в далекую страну, и больше о них никто не слышал. Хотя в Австралии есть племя аборигенов, у которых, говорят, самые розовые, самые сладкие губы на континенте.

Я подмигиваю Кейли и встаю, чтобы натянуть одеяло до самого ее хорошенького личика.

– Ты придумала конец наспех, тетя Эви, – говорит она, но улыбается сонной улыбкой. – Я сочиню что-нибудь получше.

Я смеюсь.

– Ладно-ладно, маленький критик. Жду с нетерпением. – Я снова улыбаюсь ей, целую в лоб и иду к двери. – Спокойной ночи, солнышко, – шепчу я, выключая свет.

– Спокойной ночи, тетя Эви, – слышу я, закрывая дверь.

Глава 8

Эви десять, Лео двенадцать

Я направляюсь к столу в кафетерии, за которым мы всегда сидим с Ивой, несу в руках школьный поднос и тут замечаю этого Денни Пауэлла, мальчишку, который никогда не упускает возможности унижить меня. Мой взгляд мечется влево и вправо, ища путь, который позволит мне обойти его. Не выходит. И потом, он заметил меня, и если я повернусь и убегу, будет еще хуже. Остается одно: пройти мимо с высоко поднятой головой, игнорируя его.

Я так поглощена своей задачей – пройти мимо, – что не замечаю, как он вытягивает ногу, и уже готова вздохнуть с облегчением. Держа поднос перед собой, я спотыкаюсь о его ноги, занятые руки сами тянут меня вперед. Я падаю на пол, и все макароны с сыром, тушеная морковь и желе оказываются на моей желтой рубашке с короткими рукавами, а брызги летят на лицо и волосы.

Мое тело переходит в режим выживания: я выпускаю из рук поднос, переворачиваюсь и, словно краб, отползаю назад, подальше от Денни, прямо по пролитой еде. Видя, что он по-прежнему сидит на своем месте и едва сдерживает смех, который уже прячется в его глазах и ухмылке, я медленно поднимаюсь на ноги, чувствуя себя так, как будто существую отдельно от своего тела.

Я вся в потеках расплзающейся еды, молоко из порванной картонной коробки растекается лужицей на полу у моих ног. Я словно остекленела, щеки горят, глаза наполняются слезами. Смех Денни уже звучит, теперь к нему присоединяются другие, мои глаза в панике мечутся по лицам. Наконец Денни не выдерживает и громко хохочет. Я про себя отмечаю, что смех у него резкий и визгливый. Несколько человек смотрят на меня с жалостью в глазах, но это еще хуже, поэтому я быстро отворачиваюсь.

Вдруг чья-то рука крепко сжимает мою руку, и я слышу, как мальчишеский голос тихо говорит:

– Пошли, Эви, я провожу тебя, приведешь себя в порядок. – Я смотрю на руку, сжимающую мою, а затем поднимаю глаза, как в замедленной съемке. Это Лео Маккенна, мальчик, который прибыл в мою приемную семью в прошлом месяце. Он учится классом старше, хотя пару недель назад у него был день рождения – ему исполнилось двенадцать. А мне только через три месяца стукнет одиннадцать. Я резко встаю и делаю движение, чтобы переступить через еду у моих ног, но Лео удерживает меня на месте. Взглянув на него, я обнаруживаю, что он задумчиво смотрит на Денни Пауэлла. Денни тоже это замечает и спрашивает:

– Ты-то чего пляшишься?

– Так, пытаюсь представить, на что бы ты был похож, останься у тебя в башке только половина мозгов. Может быть, вокруг глаз что-то бы изменилось... трудно сказать. Тут требуется живое воображение.

Денни вскакивает, краснеет, сжимает кулаки:

– Какого...

Тут мы слышим громкий стук каблуков, приближающийся к столовой. Денни застывает на месте.

Лео оглядывает все помещение и говорит:

– Смешно, когда что-то происходит не с тобой, верно? – Он издает возглас отворачивания и ведет меня к двери. Директор, миссис Генри, как раз входит в столовую, и Лео говорит: – Эви случайно уронила свой поднос. Я отведу ее в туалет.

– А, хорошо, – говорит она, обеспокоенно взглянув на меня. – Я позову уборщицу, она уберет. Ты в порядке, дорогая? – спрашивает она. Я только киваю, а когда мы уходим, задаюсь вопросом, почему Лео не сказал ей, что во всем виноват Денни. Я слишком смущена, чтобы сказать хоть слово.

Ива бросается за нами в коридор, хватая меня за локоть и шепчет:

– Эви, ты в порядке?

Ива всегда говорит почти шепотом, как будто думает, что, повысь она голос, кому-то станет известно о ее существовании. Я смотрю на нее сверху вниз и успокаивающе улыбаюсь.

Мы оставляем Лео в коридоре и заходим в туалет для девочек. Я как можно тщательнее вытираю рубашку мокрыми бумажными полотенцами и смываю брызги с лица и волос. Затем несколько минут стою перед феном, просушивая рубашку. Глядя в зеркало, я вздыхаю, закусываю губы и несколько минут рассматриваю себя. Вот что все видят: слишком длинная челка, потому что никто не берется регулярно стричь меня, поношенная одежда, которая уже становится слишком тесной, отсутствие бюстгалтера (мне неловко попросить кого-то купить его для меня) и обувь, хлопающая при ходьбе, потому что подошвы отстают.

Я скашиваю глаза влево и вижу, что Ива тоже молча рассматривает меня. Она улыбается своей неподражаемой застенчивой улыбкой и говорит:

– Этот мальчишка в тебя влюблен.

Я поднимаю брови и улыбаюсь в ответ.

– Лео? Да нет, ему просто не нравится Денни Пауэлл.

– Может, и не нравится, но все равно он в тебя влюблен. – Она продолжает улыбаться.

Я усмехаюсь в ответ, беру ее за руку, и мы выходим.

Лео стоит у стены напротив туалета, согнув ногу, опершись ступней о стену и засунув руки в карманы. Звонит звонок, и он с улыбкой говорит:

– Пойдемте, девчонки, я провожу вас в класс.

Потом он сует руку в рюкзак, достает пакетик арахиса, протягивает мне и подмигивает. Это мне вместо обеда.

* * *

После школы я сижу на крыльце своего приемного дома и делаю уроки. По дорожке идет Лео. Я округляю глаза, заметив, что у него подбиты оба глаза, а из рассеченной губы идет кровь.

– О боже. Что стряслось? – шепчу я, вскакивая и бросаясь к нему.

Но он усмехается, и я остаиваюсь, подбочиваюсь и вопросительно смотрю на него.

– Лео, что смешного в том, что тебя избили?

– Да видела бы ты, на кого теперь похож Денни Пауэлл!

– Лео! Он же в два раза крупнее тебя. Он мог вообще тебя убить. Не могу поверить, что ты это сделал. Почему?

Он поджимает губы и смотрит на меня как будто с раздражением.

– Потому что он сам напросился, вот почему.

Я глубоко вздыхаю, протягиваю руку, чтобы коснуться его, но тут же отступаю назад.

– Но твое лицо... Тебе, наверное, больно? – Я морищусь.

– Да разве это больно, – говорит он и идет мимо меня в дом.

Я понимаю, о чем он. Есть такая поговорка: «Палки и камни могут сломать тебе кости, но обидные слова не причинят вреда». На самом деле все наоборот. Палки, камни и кулаки действительно могут сломать тебе кости, но слова разбивают сердце.

Глава 9

На следующий день во время обеденного перерыва я замечаю пропущенный звонок, а потом вижу и эсэмэску с того же номера.

«Позвони, когда будет время, красавица. ДжМ».

О боже! Это Джейк. И он назвал меня красавицей. Я резко втягиваю воздух.

Затем, нервничая, набираю его номер, и он сразу же отвечает:

– Эви?

– Привет, Джейк. – Почему у меня такой хриплый голос? Черт возьми.

– Слушай, я бегу на собрание, так что долго говорить не могу, но хочу, чтобы ты сегодня со мной поужинала.

– О-о, – отвечаю я с удивлением. – Гм, я...

– Эви, одно из двух: «да» или «да», – поддразнивает он.

Я улыбаюсь.

– Я... да, согласна, – говорю я, внезапно смутившись и почувствовав себя не в своей тарелке.

– Отлично. Я заеду за тобой в семь. – По голосу слышно, что он улыбается.

– Гм... – Я тупо заикаюсь.

– Увидимся вечером, Эви, – говорит он и вешает трубку, прежде чем я снова начинаю заикаться в телефон.

Елки зеленые!

Вот сейчас я жалею, что у меня в квартире нет ванны. Как бы было хорошо помокнуть в ванне перед свиданием с Джейком. Сама не знаю почему. Просто мне кажется, что именно это мне необходимо перед свиданием с Джейком Мэдсенем. Свидание с Джейком Мэдсенем!

На миг меня охватывает паника. Я полностью вышла из своей зоны комфорта. Это вовсе не безопасно. А вдруг он попытается поцеловать меня? Может быть, нужно все отменить? Я понятия не имею, как ведут себя на свиданиях.

Я беру себя в руки. Это же просто ужин. Если мне станет неловко, скажу ему, что плохо себя чувствую, и пойду домой. Все будет нормально.

Я принимаю душ, сбрываю с тела все волосы, тщательно мажусь увлажняющим кремом. Стираю старый педикюр и крашу ногти на ногах карамельно-яблочно-красным лаком. Пока лак сохнет, тщательно сушу волосы, беру щипцы для завивки и орудую ими, пока на спине не падают свободные кудри.

Я довольно долго вожусь с макияжем: на ресницы – тушь, как обычно, а еще слегка подвожу глаза черным карандашом, накладываю капельку румян и блеска для губ.

Потом натягиваю черные кружевные трусики и подходящий к случаю бюстгальтер и подхожу к своему маленькому шкафу.

Мне неизвестно, куда Джейк поведет меня ужинать, поэтому я несколько минут терзаюсь, выбирая, что бы надеть, и наконец пишу Николь.

Я: Свидание с Джейком! Что надеть на ужин? Не сказал, куда идем.

Николь: Что??? Чтобы завтра – куча подробностей. Черные брюки, кремовая кружевная блузка, в которой была на моем ДР, черные босоножки с ремешками. Сверху черный шерстяной жакет. Наденешь его, когда будешь выходить.

Я: Ага. Спаситель, хахах. Поговорим завтра.

Николь: Именно ☺ Будь умницей. Сфоткай втихаря мистера Красавчика и пришли мне ☺.

Я: Запросто. Гы.

Я натягиваю одежду, которую выбрала для меня Николь, и смотрюсь в зеркало. Черные брюки достаточно респектабельны, но кремовая кружевная блузка очень уж сексуальна, и я суечусь перед зеркалом, спрашивая себя, смогу ли я снять ее перед Джейком. Она на тонких бретельках и с завышенной талией – обтягивает грудную клетку и расширяется кверху, подчеркивая бюст.

Глубоко вздохнув, я отворачиваюсь от зеркала и решаю открыть бутылку вина и выпить бокал до приезда Джейка, чтобы набраться смелости и успокоить нервы.

Едва я сделала четвертый глоток, как услышала стук в дверь. Сейчас 6:53.

Я выливаю недопитое вино в раковину, быстро ополаскиваю стакан и иду к двери. Открываю, и Джейк улыбается мне. Я окидываю его взглядом: на нем темно-серые брюки, белая рубашка на пуговицах, черный ремень и черные парадные башмаки. О боже. Он входит, не дожидаясь приглашения, и вдруг его ладони обхватывают мое лицо, и он крепко притягивает меня к себе.

– Привет.

В миг, когда наши глаза встречаются, я замечаю в выражении его лица что-то первобытное и примитивное, и тут его рот прижимается к моему.

Я издаю горловой звук и обнимаю его за шею. Сердце яростно бьется в груди.

Его язык скользит между моими губами, и я едва не всхлипываю, когда мой язык встречает его.

Боже, как он хорош на вкус. Неужели это все на самом деле?

Меня очень давно никто не целовал. И никто никогда не целовал так. Я вжимаюсь в него всем телом, чтобы почувствовать больше, в то время как его язык обшаривает мой рот, оба наших языка пляшут и пьянствуют. Это вкусно, нагло и очень, очень жарко.

Я поднимаю руку к его мягким волосам, я провожу по ним пальцами, его рука опускается, чтобы обхватить мой зад, и мне это очень, очень нравится; я снова всхлипываю ему в рот, и Джейк стонет в мой. От этого звука я чувствую вспышку возбуждения между бедер.

Мои колени подгибаются, и я цепляюсь за него. Его поцелуй стал моим якорем на этой земле, самой причиной моего существования.

Поэтому, когда Джейк отрывает свой рот от моего, тяжело дыша и отступая назад, я слышу в собственном горле протестующий звук и медленно открываю глаза. Джейк улыбается мне.

– Черт возьми, а ты умеешь целоваться.

Я смущенно улыбаюсь, пытаюсь прийти в себя, тяжело дышу и с каждым вдохом втягиваю в себя его восхитительный древесный аромат.

– Ух ты, – тупо говорю я. – Как неожиданно... и абсолютно захватывающе.

– Да, – говорит он, снова улыбаясь. – Ты голодна?

Я бессмысленно моргаю и, когда вопрос до меня доходит, отвечаю:

– Да.

Потом я запираю дверь,двигаю плечами, набрасывая жакет, и Джейк ведет меня к своей машине, припаркованной перед домом.

– Разве норма не предписывает целоваться после свидания? – спрашиваю я с улыбкой.

– А мне было невтерпех. – Он подмигивает. – Я чувствовал, что либо поцелую тебя, либо сойду с ума.

Вау, вот это мне нравится. Я улыбаюсь.

Джейк усаживает меня на пассажирское сиденье своего «БМВ», а я все улыбаюсь во весь рот, как дура. Я погружаюсь в кожаное сиденье, вдыхая запах новой машины. Я слышала о таком, но никогда не испытывала ничего подобного. И теперь понимаю, из-за чего сыр-бор. Я откидываю голову назад и закрываю глаза.

Мммм, запах новой машины.

Он закрывает дверь с моей стороны, обходит машину, скользит внутрь, и теперь я вдыхаю не только запах новой машины, но и восхитительный древесный аромат Джейка. Ммм. Выезжая на улицу, он берет мою левую руку и подносит ее к губам. Потом мы держимся за руки между сиденьями, его левая рука – на руле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.